

Джек Лондон

Мудрость снежной тропы

Джек Лондон
Мудрость снежной тропы
Серия «Сын Волка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696022

Аннотация

«Ситка Чарли совершил невозможное. Быть может, другие индейцы не хуже его постигли мудрость снежной тропы, но он один постиг мудрость белого человека – честь тропы и ее закон. Однако это далось ему не в один день. Мозги туземцев туги на обобщения, и необходимо, чтобы факты повторялись часто, пока явится настоящее понимание. Ситка Чарли с детства постоянно вращался среди белых и мужественно решил связать свою судьбу с ними, раз навсегда отрезав себя от своего народа. Но, уважая и даже обоготворяя могущество белых, он еще не разгадал самой его сущности – чести и закона. И только в результате опыта, накопленного годами, уразумел эту сущность. Чужак – он знал ее даже лучше, чем сами белые. Индеец – он совершил невозможное...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Джек Лондон

Мудрость снежной тропы

* * *

Ситка Чарли совершил невозможное. Быть может, другие индейцы не хуже его постигли мудрость снежной тропы, но он один постиг мудрость белого человека – честь тропы и ее закон. Однако это далось ему не в один день. Мозги туземцев туги на обобщения, и необходимо, чтобы факты повторялись часто, пока явится настоящее понимание. Ситка Чарли с детства постоянно вращался среди белых и мужественно решил связать свою судьбу с ними, раз навсегда отрезав себя от своего народа. Но, уважая и даже обоготворяя могущество белых, он еще не разгадал самой его сущности – чести и закона. И только в результате опыта, накопленного годами, уразумел эту сущность. Чужак – он знал ее даже лучше, чем сами белые. Индеец – он совершил невозможное.

Из этого родилось у него презрение к собственному своему народу, – презрение, обычно им скрываемое, но теперь вырвавшееся наружу в виде вихря многоязычных ругательств, сыпавшихся на головы Ка-Чукти и Гоу-хи. Они ползали перед ним, как пара ворчащих овчарок, слишком трусливых, чтобы напасть, но недостаточно утерявших свою вол-

чью природу, чтобы спрятать клыки. Они были некрасивы, как, впрочем, и сам Ситка Чарли. Лица их были очень худы, а скулы – усеяны безобразными струпьями; струпья эти то трескались, то снова замерзали на сильном морозе; а глаза их сверкали мрачным блеском, порожденным голодом и отчаянием. Люди, находящиеся по ту сторону границы чести и закона, не заслуживают доверия. Ситка Чарли знал это, поэтому-то он еще десять дней тому назад заставил их бросить ружья вместе с остальным лагерным скарбом. Ружья остались только у него и у капитана Эпингуэлла.

– Марш! Развести огонь! – скомандовал он, вынимая драгоценную коробку спичек и неразлучные с нею полоски сухой березовой коры.

Оба индейца угрюмо принялись за работу и стали собирать сухие ветки и валежник. Они были слабы, часто останавливались и, наклоняясь, ловили себя на бесцельных движениях или, спотыкаясь, ковыляли к месту костра, причем колени их стучали друг о дружку, как кастаньеты. После каждой принесенной охапки индейцы приостанавливались, словно от полного бессилия или смертельной усталости. Порой глаза их принимали выражение терпеливого стоицизма и глухого страдания; а затем, казалось, «я» снова вспыхивало в них и как бы раздражалось диким криком: «Я, я, я жить хочу!» – доминирующей¹ нотой всего одушевленного мира.

Легкий ветерок дохнул с юга, щипля неприкрытые части

¹ *Доминирующий* – преобладающий, господствующий.

их тел, и вгонял мороз огненными иглами в их кости сквозь меха и мышцы. Поэтому, когда огонь разгорелся и на снегу оттаял влажный круг, Ситка Чарли заставил своих упирившихся товарищей помочь ему в установке прикрытия. То было примитивное сооружение – обыкновенное одеяло, натянутое параллельно костру с наветренной стороны и наклоненное под углом приблизительно в сорок пять градусов. Это одеяло преграждало путь холодному ветру и направляло тепло назад и вниз на тех, кто должен был сгрудиться под его защитой. Затем они набросали ложе из зеленых сосновых веток, чтобы тела их не приходили в соприкосновение со снегом. Когда эта работа была закончена, Ка-Чукти и Гоухи принялись за свои ноги. Обледенелые мокасины страшно износились от долгого путешествия, и острый лед береговых откосов изрезал их в клочья. Сивашские носки были в таком же состоянии; когда они оттаяли и были сняты с ног, пальцы – почти все изуродованные – рассказали несложную сказку снежной тропы.

Оставив их обоих за просушкой обуви, Ситка Чарли повернул назад по той же дороге, по какой пришел. У него тоже было сильное желание присесть у огня и расправить болевшие члены, но честь и закон не позволяли. Он с трудом подвигался по замерзшему полю; каждое движение вызывало протест, каждый мускул оказывал сопротивление. Там, где вода между откосами берегов затянулась коркой, ему несколько раз приходилось мучительно ускорять движения,

когда хрупкий грунт под его ногами угрожающе колебался. В таких местах смерть приходила легко и быстро. Но он отнюдь этого не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.